

Николай Лесков

Святочные рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л50

Л50 **Лесков Н.**
Святочные рассказы / Николай Лесков – М.: Книга по Требованию, 2012. –
162 с.

ISBN 978-5-4241-0639-2

Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии по изданию
1903 года (Санкт-Петербург, издание А. Ф. Маркса)

ISBN 978-5-4241-0639-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

носимой скуки одиночества! Опостылѣла холостая жизнь, надоѣли сплетни и вздоры провинції, — хочу имѣть свой очагъ, хочу сидѣть вечеромъ съ дорогою женою у своей лампы. Жените!"

— Ну, да постой же, говоримъ, — все это прекрасно и пусть будетъ по-твоему, — Господь тебя благослови, — женись, но вѣдь надобно же время, надо имѣть въ виду хорошую дѣвушку, которая бы пришла к тебѣ по сердцу и чтобы ты тоже нашелъ у нея къ себѣ расположение. На все это надо время.

А онъ отвѣчаетъ:

— Что же, времени довольно: двѣ недѣли святокъ вѣнчаться нельзя, — вы меня въ это время совсмайтѣ, а на Крещенье, вечеркомъ, мы обвѣнчаемся и уѣдемъ.

— Э, говорю, — да ты, любезный мой, должно-быть, немножко съ ума сошелъ отъ скуки. (Слова "психопатъ" тогда еще не было у насъ въ употребленіи). Мнѣ, говорю, съ тобой дурачиться некогда, я сейчасъ въ судѣ на службу иду, а ты вотъ тутъ оставайся съ моей женою и фантазируй.

Думалъ, что все это, разумѣется, пустяки или, по крайней мѣрѣ, что это затѣя очень далекая отъ исполненія, а между тѣмъ возвращаюсь къ обѣду домой и вижу, что у нихъ уже дѣло созрѣло. Жена говоритъ мнѣ:

— У насъ была Машенька Васильева, просила меня съѣздить съ нею выбрать ей платье, и пока я одѣвалась, они (т. е. братъ мой и эта дѣвица) посидѣли за чаемъ, и братъ говоритъ: "Вотъ прекрасная дѣвушка! Что тамъ еще много выбирать, — жените меня на ней!"

Я отвѣчалъ женѣ:

— Теперь я вижу, что братъ въ самомъ дѣлѣ одурѣлъ.

— Нѣть, позволь, — отвѣчаетъ жена: — отчего же это непремѣнно "одурѣлъ"? Зачѣмъ же отрицать то, что ты самъ всегда уважалъ?

— Что это такое я уважалъ?

— Безотчетныя симпатіи, влеченія сердца.

— Ну, говорю, — матушка, меня на это не поддѣнешь. Все это хорошо во-время и кстати, хорошо, когда эти влеченія вытекаютъ изъ чего-нибудь ясно сознанного, изъ признанія видимыхъ превосходствъ души и сердца, а это — что такое... въ одну минуту увидѣлъ и готовъ обрѣштиться на всю жизнь.

— Да, а ты что же имѣешь противъ Машеньки? — она именно такая и есть, какъ ты говоришь, — дѣвушка яснаго ума, благороднаго ха-

рактера и прекрасного и върнаго сердца. Притомъ и онъ ей очень понравился.

— Какъ! воскликнулъ я, — такъ это ты ужъ и съ ея стороны успѣла заручиться признаніемъ?

— Признаніе, отвѣчаетъ, — не признаніе, а развѣ это не видно? Любовь вѣдь — это но нашему женскому вѣдомству, — мы ее замѣчаемъ и видимъ въ самомъ зародышѣ.

— Вы, говорю, — всѣ очень противныя свахи: вамъ бы только кого-нибудь женить, а тамъ что изъ этого выйдетъ, — это до васъ не касается. Побойся послѣдствій твоего легкомыслія.

— А я ничего, говоритъ, — не боюсь, потому что я ихъ обоихъ знаю, и знаю, что братъ твой — прекрасный человѣкъ, и Маша — премилая дѣвушка, и они какъ дали слово заботиться о счастьѣ другъ друга, такъ это и исполнятъ.

— Какъ! закричалъ я, себя не помня, — они уже и слово другъ другу дали?

— Да, — отвѣчаетъ жена: — это было пока иносказательно, но понятно. Ихъ вкусы и стремленія сходятся, и я вечеромъ поѣду съ твоимъ братомъ къ нимъ, — онъ навѣрно понравится старикамъ, и потомъ...

— Что же, что потомъ?

— Потомъ, — пускай какъ знаютъ; ты только не мѣшайся.

— Хорошо, говорю, — хорошо, очень радъ въ подобную глупость не мѣшаться.

— Глупости никакой не будетъ.

— Прекрасно.

— А будетъ все очень хорошо: они будутъ счастливы!

— Очень радъ! Только не мѣшаетъ, говорю, — моему братцу и тебѣ знать и помнить, что отецъ Машеньки всѣмъ извѣстный богатый сквалыжникъ.

— Что же изъ этого? Я этого, къ сожалѣнію, и не могу оспаривать, но это нимало не мѣшаетъ Машенькѣ быть прекрасною дѣвушкой, изъ которой выйдетъ прекрасная жена. Ты вѣрно забылъ то, надѣй чѣмъ мы съ тобою не разъ останавливались: вспомни, что у Тургенева — всѣ его лучшія женщины, какъ на подборъ, имѣли очень не почтенныхъ родителей.

— Я совсѣмъ не о томъ говорю. Машенька, дѣйствительно, превосходная дѣвушка, а отецъ ея, выдавая замужъ двухъ старшихъ ея сестеръ, обоихъ зятьевъ обманулъ и ничего не далъ, — и Машѣ ничего не дастъ.

— Почемъ это знать? Онъ ее больше всѣхъ любить.

— Ну, матушка, держи карманъ шире: знаемъ мы, что такое ихъ "особенная" любовь къ дѣвшкѣ, которая на выходѣ. Всѣхъ обманетъ! Да ему и не обмануть нельзя, — онъ на томъ стоить, и состоянію-то своему, говорять, тѣмъ начало положилъ, что деньги въ большой ростъ подъ залоги давалъ. У такого-то человѣка вы захотѣли любви и великодушія доискаться. А я вамъ то скажу, что первые его два зятя оба сами пройды, и если онъ ихъ надулъ и они теперь всѣ во враждѣ съ нимъ, то ужъ моего братца, который съ дѣтства страдалъ самою утрированною деликатностю, онъ и подавно оставить на бобахъ.

— То-есть какъ это, говорить, — на бобахъ?

— Ну, матушка, это ты дурачишься.

— Нѣть, не дурачусь.

— Да развѣ ты не знаешь, что такое значитъ "оставить на бобахъ"? Ничего не дастъ Машенькѣ, — вотъ и вся недолга.

— Ахъ, вотъ это-то!

— Ну, конечно.

— Конечно, конечно! Это быть можетъ, но только я, говоритъ, — никогда не думала, что по-твоему — получить путную жену, хотя бы и безъ приданаго, — это называется "остаться на бобахъ".

Знаете милую женскую привычку и логику: сейчасъ — въ чужой огородъ, а вамъ, но сосѣдству, шпильку въ бокъ...

— Я говорю вовсе не о себѣ...

— Нѣть, отчего же?..

— Ну, это странно, ма chere!

— Да отчего же странно?

— Оттого странно, что я этого на свой счетъ не говорилъ.

— Ну, думалъ.

— Нѣть, совсѣмъ и не думалъ.

— Ну, воображалъ.

— Да, нѣть же, чортъ возьми, ничего я не воображалъ!

— Да чего же ты кричишь?!

— Я не кричу!

— И "черти"... "чортъ"... Что это такое?

— Да потому, что ты меня изъ терпѣнія выводишь.

— Ну, вотъ то-то и есть! А если бы я была богата и принесла съ собою тебѣ приданое...

— Э-ге-ге!..

Этого уже я не выдержалъ и, по выраженію покойнаго поэта Толстого, "начавъ — какъ богъ, окончилъ — какъ свинья". Я принялъ оби-

женный видъ, — потому, что и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя несправедливо обиженнымъ, — и, покачавъ головою, повернулся и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Но, затворя за собою дверь, почувствовалъ неодимуй жажду отмщенія, — снова отворилъ дверь и сказалъ:

— Это свинство! А она отвѣчаетъ:

— Merci, мой милый мужъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Чортъ знаетъ, что за сцена! И не забудьте — это послѣ четырехъ лѣтъ самой счастливой и ничѣмъ ни на минуту не возмущенной супружеской жизни!.. Досадно, обидно — и непереносно! Что за вздоръ такой. И изъ-за чего!.. Все это набаламутилъ братъ. И что мнѣ такое, что я такъ кипячуясь и волнуюсь! Вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ взрослый и не въ правѣ ли онъ самъ обсудить, какая особа ему нравится и на комъ ему жениться?.. Господи, въ этомъ сыну родному нынче не укажешь, а то чтобы еще братъ брата долженъ былъ слушаться... Да и по какому, наконецъ, праву?.. И могу ли я, въ самомъ дѣлѣ, быть такимъ провидцемъ, чтобы утвердительно предсказывать, какое сватовство чѣмъ кончится?.. Машенька, дѣйствительно, превосходная дѣвушка, а моя жена развѣ не прелестная женщина?.. Да и меня, слава Богу, никто негодяе-
мъ не называлъ, а между тѣмъ вотъ мы съ нею, послѣ четырехъ лѣтъ счастливой, ни на минуту ничѣмъ не смущенной жизни, теперь разбра-
нились какъ портной съ портнихой... И все изъ-за пустяковъ, изъ-за чужой шутовской прихоти..

Мнѣ стало ужасно совѣстно передъ собою и ужасно ее жалко, по-
тому что я ея слова уже считалъ ни во что, а за все винилъ себя, и въ
такомъ грустномъ и недовольномъ настроеніи уснуль у себя въ
кабинетѣ на диванѣ, закутавшись въ мягкий ватный халатъ, выстеган-
ный мнѣ собственными руками моей милой жены...

Подкупая эта вещь — носильное удобное платье, сработанное
мужу жениними руками! Такъ оно хорошо, такъ мило и такъ во-время и
не во-время напоминаетъ и наши вины, и тѣ драгоценныя ручки, кото-
рыя вдругъ захочется расцѣловать и просить въ чемъ-то прощенія.

— Прости меня, мой ангель, что ты меня, наконецъ, вывела изъ
терпѣнія. Я впередъ не буду.

И мнѣ, признаться, до того захотѣлось поскорѣе идти съ этой
просьбой, что я проснулся, всталъ и вышелъ изъ кабинета.

Смотрю — въ домѣ вездѣ темно и тихо.

Спрашиваю горничную:

— Гдѣ же барыня?

— А онѣ, отвѣчаетъ, — уѣхали съ вашимъ братцемъ къ Марыи Николаевны отцу. Я вамъ сейчасъ чай приготовлю.

"Какова! думаю, — значитъ, она своего упорства не оставляетъ, — она таки хочетъ женить брата на Машенькѣ... Ну, пусть ихъ дѣлаютъ, какъ знаютъ, и пусть ихъ Машенькинъ отецъ надуетъ, какъ онъ надулъ своихъ старшихъ зятьевъ. Да даже еще и болѣе, потому что тѣ сами жохи, а мой братъ, — воплощенная честность и деликатность. Тѣмъ лучше, — пусть онъ ихъ надуетъ, — и брата, и мою жену. Пусть она обожжется на первомъ урокѣ, какъ людей сватать".

Я получилъ взѣ рукъ горничной стаканъ чаю и усѣлся читать дѣло, которое завтра начиналось у насъ въ судѣ и представляло для меня не мало трудностей.

Занятіе это увлекло меня далеко за полночь, а жена моя съ братомъ возвратились въ два часа и оба превеселые.

Жена говоритъ мнѣ:

— Не хочешь ли холоднаго ростбифа и стаканъ воды съ виномъ? А мы у Васильевыхъ ужинали.

— Нѣтъ, говорю, — покорно благодарю.

— Николай Ивановичъ расщедрился и отлично насыпилъ.

— Вотъ какъ.

— Да, — мы превесело провели время, и шампанское пили.

— Счастливцы! говорю, — а самъ думаю: значитъ, эта бестія, Николай Ивановичъ, сразу раскусилъ, что за теленокъ мой братъ, и даль ему пойла недаромъ. Теперь онъ его будетъ ласкать, пока тамъ жениховскій рученецъ кончится, а потомъ — быть бычку на обрывочку.

А чувства мои противъ жены снова озлобились, и я не сталъ просить у нея прощенья въ своей невинности. И даже, если бы я былъ свободенъ и имѣлъ досугъ вникать во всѣ перипетіи затѣянной ими любовной игры, то не удивительно было бы, что я снова не вытерпѣлъ бы, — во что-нибудь вмѣшался, и мы дошли бы до какой-нибудь психозы; но, по счастію, мнѣ было некогда. Дѣло, о которомъ я вамъ говорилъ, заняло насыпь на судѣ такъ, что мы съ нимъ не чаяли освободиться и къ празднику, а потому я домой являлся только поѣсть да выспаться, а всѣ дни и часть ночей проводилъ предъ алтаремъ Фемиды.

А дома у меня дѣла не ждали, и когда я подъ самый сочельникъ явился подъ свой кровъ, довольный тѣмъ, что освободился отъ судебныхъ занятій, меня встрѣтили тѣмъ, что пригласили осмотрѣть роскошную корзину съ дорогими подарками, подносимыми Машенькѣ моимъ братомъ.

— Это что же такое?

— А это дары жениха невѣстѣ, — объяснила мнѣ моя жена.

— Ага! такъ вотъ уже какъ! Поздравляю.

— Какъ же! Твой братъ не хотѣлъ дѣлать формального предложенія, не переговоривъ еще разъ съ тобою, но онъ спѣшилъ своей свадьбой, а ты какъ на зло сидѣлъ все въ своемъ противномъ судѣ. Ждать было невозможно, и они помолвлены.

— Да и прекрасно, говорю, — незачѣмъ было меня и ждать.

— Ты, кажется, оstriшь?

— Нисколько я не острю.

— Или иронизируешь?

— И не иронизирую.

— Да это было бы и напрасно, потому что, несмотря на все твои карканье, они будутъ пресчастливы.

— Конечно, говорю, — ужъ если ты ручаешься, то будутъ... Есть такая пословица: "кто думаетъ три дни, тотъ выберетъ злыдни". Не выбирать — вѣрнѣе.

— А что же, — отвѣчаетъ моя жена, закрывая корзинку съ дарами: — вѣдь это вы думаете, будто вы насы выбираете, а въ существѣ, вѣдь, все это вздоръ.

— Почему же это вздоръ? Надѣюсь, но дѣвушки выбираютъ жениховъ, а женихи къ дѣвушкамъ сватаются.

— Да, сватаются — это правда, но выбора, какъ осмотрительного или разсудительного дѣла, никогда не бываетъ.

Я покачалъ головою и говорю:

— Ты бы подумала о томъ, что ты такое говоришь. Я вотъ тебя, напримѣръ, выбралъ — именно изъ уваженія къ тебѣ и сознавая твои достоинства.

— И врешь.

— Какъ вру?!?

— Врешь, — потому что ты выбралъ меня совсѣмъ не за достоинства.

— А за что же?

— За то, что я тебѣ понравилась.

— Какъ, ты даже отрицаешь въ себѣ достоинства!

— Нимало, — достоинства во мнѣ есть, а ты все-таки на мнѣ не женился бы, если бы я тебѣ не понравилась.

Я чувствовалъ, что она говорить правду.

— Однакоже, говорю, — я цѣлый годъ ждалъ и ходилъ къ вамъ въ домъ. Для чего же я это дѣлалъ?

- Чтобы смотрѣть на меня.
- Неправда, — я изучалъ твой характеръ. Жена расхохоталась.
- Что за пустой смѣхъ!
- Нисколько не пустой. Ты ничего, мой другъ, во мнѣ не изучалъ и изучать не могъ.
- Это почему?
- Сказать?
- Сдѣлай милость, скажи!
- Потому, что ты быль въ меня влюбленъ.
- Пусть такъ, но это мнѣ не мѣшало видѣть твои душевныя свойства.
- Мѣшало.
- Нѣтъ, не мѣшало.
- Мѣшало, и всегда всякому будетъ мѣшать, а потому это долгое изученіе и бесполезно. Вы думаете, что, влюбившись въ женщину, вы на нее смотрите съ разсужденіемъ, а на самомъ дѣлѣ вы только глазѣете съ воображеніемъ.
- Ну... однако, говорю, — ты ужъ это какъ-то... очень реально.
- А самъ думаю: вѣдь это правда! А жена говоритъ:
- Полно думать, — худа не вышло, а теперь переодѣвайся скорѣе и поѣдемъ къ Машенькѣ: мы сегодня у нихъ встрѣчаемъ Рождество, и ты долженъ принести ей и брату свое поздравленіе.
- Очень радъ, говорю. И поѣхали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тамъ было подношеніе даровъ и принесеніе поздравленій, и всѣ мы порядочно упились веселымъ нектаромъ Шампани.

Думать и разговаривать или отговариваться было уже некогда. Оставалось только поддерживать во всѣхъ вѣру въ счастье, ожидающее обрученныхъ, и пить шампанское. Въ этомъ и проходили дни и ночи то у насъ, то у родителей невѣсты.

Въ этакомъ настроеніи долго ли время тянется?

Не успѣли мы оглянуться, какъ уже налетѣлъ и канунъ новаго года. Ожиданія радостей усиливаются. Свѣтъ цѣлый желаетъ радостей, — и мы отъ людей не отстали. Встрѣтили мы новый годъ опять у Машенькиныхъ родныхъ съ такимъ, какъ дѣды наши говорили, "мочимордiemъ", что оправдали дѣдовское реченіе: "Руси есть веселіе пити". Одно было не въ порядкѣ. Машенькинъ отецъ о приданомъ молчалъ, но зато сдѣлалъ дочери престранный и, какъ потомъ я понялъ, совершенно не-

позволительный и зловѣштій подарокъ. Онъ самъ надѣлъ на нее при всѣхъ за ужиномъ богатое жемчужное ожерелье... Мы, мужчины, взглянувъ на эту вещь, даже подумали "очень хорошо".

— Ого-го, моль, — сколько это должно стоить? Вѣроятно, такая штучка припасена съ оныхъ давнихъ, благихъ дней, когда богатые люди изъ знати еще въ ломбарды вещей не посылали, а при большой нуждѣ въ деньгахъ охотнѣе вѣряли свои цѣнности тайнымъ ростовщикамъ въ родѣ Машенькиного отца.

Жемчугъ крупный, окатистый и чрезвычайно живой. Притомъ ожерелье сдѣлано въ старомъ вкусѣ, что называлось рефидью, рясами, — назади начато небольшимъ, но самымъ скатнымъ кафимскимъ зерномъ, а потомъ все крупнѣй и крупнѣе бурмицкое и наконецъ, что далѣе книзу, то пошли какъ бобы, и въ самой серединѣ три черные перла поражающей величины и самаго лучшаго блеска. Прекрасный цѣнныи даръ совсѣмъ затмевалъ сконфуженные передъ нимъ дары моего брата. Словомъ сказать, — мы, грубые мужчины, всѣ находили отцовскій подарокъ Машенькѣ прекраснымъ, и намъ понравилось также и слово, произнесенное старикомъ при подачѣ ожерелья. Отецъ Машеньки, подавъ ей эту драгоцѣнность, сказалъ: — "Вотъ тебѣ, доченька, штучка съ наговоромъ: ее никогда ни тля не истлить, ни воръ не украдеть, а если и украдеть, то не обрадуется. Это — вѣчное".

Но у женщинъ вѣдь на все свои точки зреїнія, и Машенька, получивъ ожерелье, заплакала, а жена моя не выдержала и, улучивъ удобную минуту, даже сдѣлала Николаю Ивановичу у окна выговоръ, который онъ по праву родства выслушалъ. Выговоръ ему за подарокъ жемчуга слѣдовалъ потому, что жемчугъ знаменуетъ и предвѣщаетъ слезы. А потому жемчугъ никогда для новогоднихъ подарковъ не употребляетъся.

Николай Ивановичъ, впрочемъ, ловко отшутился.

— Это, говоритъ, — во-первыхъ, пустые предразсудки и если кто-нибудь можетъ подарить мнѣ жемчужину, которую княгиня Юсупова купила у Горгубуса, то я ее сейчасъ возьму. Я, сударыня, тоже въ свое время эти тонкости проходилъ и знаю, чего нельзя дарить. Дѣвшукъ нельзя дарить бирюзы, потому что бирюза, по понятіямъ персовъ, есть кости людей, умершихъ отъ любви, а замужнимъ дамамъ нельзя дарить аметиста *aves fleches d'Amour*, но тѣмъ не менѣе я пробовалъ дарить такие аметисты, и дамы брали...

Моя жена улыбнулась. А онъ говоритъ:

— Я и вамъ попробую подарить. А что касается жемчуга, то надо знать, что жемчугъ жемчугу рознь. Не всякий жемчугъ добывается со

слезами. Есть жемчугъ персидскій, есть изъ Краснаго моря, а есть перлы изъ тихихъ водъ — d'eau douce, тотъ безъ слезы берутъ. Сентиментальная Марія Стюартъ только такой и носила perle d'eau douce изъ шотландскихъ рѣкъ, но онъ ей не принесъ счастья. Я знаю, что надо дарить, — то я и дарю моей дочери, а вы ее пугаете. За это я вамъ не подарю ничего авес fleches d'Amour, а подарю вамъ хладнокровный "лунный камень". Но ты, мое дитя, не плачь, и выбрось изъ головы, что мой жемчугъ приносить слезы. Это не такой. Я тебѣ на другой день твоей свадьбы открою тайну этого жемчуга, и ты увидишь, что тебѣ никакихъ предразсудковъ бояться нечего...

Такъ это и успокоилось, и брата съ Машенькой послѣ Крещенья перевѣнчали, а на слѣдующій день мы съ женою побѣхали навѣстить молодыхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мы застали ихъ вставшими и въ необыкновенно веселомъ расположениіи духа. Брать самъ открылъ намъ двери помѣщенія, взятаго имъ для себя, ко дню свадьбы, въ гостиницѣ, встрѣтиль нась весь сіяя и покатываясь со смѣху.

Мнѣ это напомнило одинъ старый романъ, гдѣ новобрачный сошель съ ума отъ счастья, и я это брату замѣтиль, а онъ отвѣчаетъ:

— А что ты думаешь, вѣдь со мною въ самомъ дѣлѣ произошелъ такой случай, что возможно своему уму не вѣрить. Семейная жизнь моя, начавшаяся сегодняшнимъ днемъ, принесла мнѣ не только ожиданныя радости отъ моей милой жены, но также неожиданное благополучие отъ тестя.

- Что же такое еще съ тобою случилось?
- А вотъ входите, я вамъ разскажу. Жена мнѣ шепчетъ:
- Вѣрно старый негодяй ихъ надулъ. Я отвѣчу:
- Это не мое дѣло.

Входимъ, а братъ подаетъ намъ открытое письмо, полученное на ихъ имя рано по городской почтѣ, и въ письмѣ читаемъ слѣдующее:

"Предразсудокъ насчетъ жемчуганичѣмъ вамъ угрожать не можетъ: этотъ жемчугъ фальшивый".

Жена моя такъ и сѣла.

— Вотъ, говоритъ, — негодяй!

Но братъ ей показалъ головою въ ту сторону, гдѣ Машенька дѣлала въ спальнѣ свой туалетъ, и говоритъ:

— Ты неправа: старикъ поступилъ очень честно. Я получилъ это письмо, прочель его и разсмѣялся... Что же мнѣ тутъ печальнааго? Я вѣдь приданаго не искалъ и не просилъ, я искалъ одну жену, стало-быть мнѣ никакого огорченія въ томъ нѣть, что жемчугъ въ ожерельѣ не настоящій, а фальшивый. Пусть это ожерелье стоитъ не тридцать тысячъ, а просто триста рублей, — не все ли равно для меня, лишь бы жена моя была счастлива... Одно только меня озабочивало, какъ это сообщить Машѣ? Надѣ этимъ я задумался и сѣлъ, оборотясь лицомъ къ окну, а того не замѣтилъ, что дверь забылъ запереть. Черезъ нѣсколько минутъ оборачиваюсь и вдругъ вижу, что у меня за спиною стоитъ тесть и держитъ что-то въ рукѣ въ платочекѣ.

— Здравствуй, говорить, — зятиушка! Я вскочилъ, обнялъ его и говорю:

— Вотъ это мило! мы должны были къ вамъ черезъ часъѣхать, а вы сами... Это противъ всѣхъ обычаевъ... мило и дорого.

— Ну, что, отвѣчаетъ, — за счеты! Мы свои. Я быль у обѣдни, — помолился за васъ и вотъ просвиру вамъ привезъ.

Я его опять обнялъ и поцѣловалъ.

— А ты письмо мое получилъ? — спрашиваетъ.

— Какъ же, говорю, — получилъ. И я самъ разсмѣялся.

Онъ смотрѣтъ.

— Чего же, говорить, — ты смѣешься?

— А что же мнѣ дѣлать? Это очень забавно.

— Забавно?

— Да какъ же.

— А ты подай-ка мнѣ жемчугъ.

Ожерелье лежало тутъ же на столѣ въ футляре, — я его и подалъ.

— Есть у тебя увеличительное стекло? Я говорю: — нѣть.

— Если такъ, то у меня есть. Я по старой привычкѣ всегда его себѣ имѣю. Изволь смотрѣть на замокъ подъ собачку.

— Для чего мнѣ смотрѣть?

— Нѣть, ты посмотри. Ты, можетъ-быть, думаешь, что я тебя обманулъ.

— Вовсе не думаю.

— Нѣть, — смотри, смотри!

Я взялъ стекло и вижу: на замкѣ, на самомъ скрытномъ мѣстѣ, микроскопическая надпись французскими буквами: "Бургильонъ".

— Убѣдился, говорить, — что это дѣйствительно жемчугъ фальшивый?

— Вижу.